

*Е.И. Красильникова*

## ПАМЯТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТЛИЧИЙ: ЮБИЛЕИ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ (1904–1943 гг.)

*Работа выполнена при финансовой поддержке Новосибирского государственного технического университета (проект С-12, 2018 г.).*

Статья посвящена истории празднований юбилеев сибирских городов в первой половине XX в. Основное внимание уделяется коммеморативной составляющей торжеств. Автор сравнивает юбилеи Томска (1904 г.), Красноярска (1928 г.) и Новосибирска (1943 г.). Выясняются смыслы политики памяти, отраженные в торжествах; устанавливаются социально-политические и культурные контексты, отражавшиеся на характере празднований в разные годы; выявляются черты исторической преемственности в организации праздничных мероприятий.

**Ключевые слова:** юбилейные торжества; коммеморация; политический праздник; Сибирь.

Практика торжественно отмечать дни городов в форме массовых мероприятий утвердилась по всей России на излете советского времени. Так, 6 апреля 1987 г. Новосибирский городской исполнительный комитет принял постановление № 1766 «Об учреждении ежегодного празднования Дня города Новосибирска». Концепция торжеств включала ряд идеологических задач: «Праздник должен был способствовать продолжению революционных, боевых и трудовых традиций города; пропагандировать экономические и социалистические достижения трудовых коллективов; воспитывать у горожан патриотизм и любовь к родному городу» [1]. В 1990-х гг., забывшихся, в частности, словами президента Б.Н. Ельцина, адресованными субъектам федерации: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить»; подобные празднования, сопровождавшиеся разнообразными развлечениями, стали восприниматься как привычные и традиционные. Казалось бы, это – заблуждение, ведь День города начали отмечать недавно, однако поиск истоков практики празднований Дня города позволяет обнаружить длительную предысторию. В частности, предшественниками Дня города были дореволюционные и советские юбилеи Сибири и отдельных сибирских городов, празднование которых, наряду с другими торжествами (к примеру, в честь 1 мая), в разных смыслах, подготовило почву для хорошо известной сегодня коммеморативной практики. Актуальность изучения предыстории празднования Дня города состоит в углублении представления об исторически сформировавшихся смыслах и значении этих торжеств как для отдельных городов, так и в целом для страны. Пропаганда разных лет, которая транслировалась в праздничные дни, сформировала в коллективной памяти сибиряков разнообразные стереотипы, упрощающие исторические представления сибиряков и нуждающиеся в критическом осмыслении.

День города – это условный день рождения, очередная годовщина основания, памятная дата. С одной стороны, торжества, связанные с днями города, обращаются к прошлому, поэтому День города обычно сопровождается разнообразными коммеморациями в публичном пространстве, акцентирующими внимание на ключевых с позиции той или иной концепции событиях местного прошлого, включенных в контекст

общероссийского исторического метанарратива. С другой стороны, эти праздники, призванные воспитывать в местных жителях любовь к малой родине, обращены к современным достижениям и перспективам дальнейшего развития города и региона. Условность и символическая слабость точных дат празднований придает значение скорее не событию основания города, а обобщенному «результату» последующего развития локуса в его максимальной версии сегодняшнего или оставшегося в прошлом апогея презентабельной значимости. День города – это политический праздник, отражающий процессы, связанные с реализацией политики памяти как на уровне государства, так и отдельно взятых регионов, имеющих свою специфику. Для политических субъектов местного уровня локальное прошлое является ценным ресурсом символической политики, нацеленной на продвижение определенных интерпретаций социальной реальности и стратегий ее изменений. Эффективность использования прошлого зависит во многом от пригодности избираемых исторических сюжетов и фигур памяти, в частности от их узнаваемости, закреплённости в массовом сознании через разные каналы, подверженности реинтерпретациям, положительной окрашенности и др. [2. С. 140–142]. Политика памяти, разрабатываемая и реализуемая на местах, несомненно, должна отталкиваться от существующего исторического опыта, исследование которого имеет актуальность в контексте формирования адекватно и эффективно функционирующих институтов публичной политики как сферы согласования интересов общества и государства.

Цель данной статьи – проследить динамику коммеморативной составляющей торжеств, устраивавшихся в честь юбилеев сибирских городов в первой половине XX в. На этот период пришлось празднование трех основных юбилеев: 300-летия Томска (1904 г.), 300-летие Красноярска (1928 г.) и 50-летия Новосибирска (1943 г.). На характере торжеств отразились социально-политические реалии трех разных этапов отечественной истории: этапа Первой русской революции, переходного этапа от нэпа к сталинской модернизации, этапа Великой Отечественной войны. В задачи исследования входит выяснение смыслов политики памяти, результатом реализации которой и

являлись интересующие нас торжества; установление социально-политических и культурных контекстов, отражавшихся на характере празднований в разные годы; анализ праздничных коммемораций на предмет исторической преемственности в их формах и содержании а также на предмет эффективности их использования.

Историография изучаемого вопроса включает работы Н.В. Бутаковой, Ю.М. Гончарова, А.В. Куприянова, Н.В. Паршуковой, С.А. Шилина, посвященные городской праздничной культуре Сибири дореволюционного периода [3–7]. В этих произведениях описаны разнообразные примеры массовых празднований памятных дат политического и культурного значения в дореволюционной России, однако коммеморативной стороне торжеств особенного внимания не уделено.

Государственные праздники 20–30-х гг. XX в., устраивавшиеся в Советской России, были охарактеризованы некоторыми исследователями уже в 1960–1980-х гг. (В.С. Аксенов, Д.М. Генкин, П.Г. Ширяева и др.) [8–10]. Эти авторы не могли игнорировать узких идеологических рамок, которые не оставляли возможности для критичного взгляда на советскую праздничную культуру. Кроме того, они уделяли больше внимания педагогическим, художественным и прочим аспектам праздников, не ставя перед собой специальной задачи представить их в контексте истории политического развития страны.

Советский праздничный календарь, специфика массовых торжеств и их идеологическое значение в последние годы активно изучаются как российскими, так и зарубежными учеными. В России эта тематика исследуется преимущественно на региональных материалах. В числе прочих отдельного внимания заслуживают работы С.Ю. Малышевой, выполненные на материалах Татарстана. Автор не только детально описывает изменения в праздничном календаре, разъясняет принципы организации торжеств и выявляет рецепцию советской праздничности, но также интерпретирует символику и историческую мифологию революционных праздников 1920-х гг. [11]. Не менее интересны исследования томского политолога А.И. Щербинина, рассматривающего государственные праздники 1920–1930-х гг. как средство политической индоктринации [12]. Немалый вклад в разработку тематики, связанной с массовыми советскими праздниками, внесли зарубежные специалисты, прежде всего М. Рольф [13] и К. Петроне [14], изучавшие идеологическое и культурное значение для общества советских праздников.

Краткие описания юбилеев интересующих нас сибирских городов приводятся в работах краеведов. Так, 300-летие Томска освещалось в статье историка и архивиста А.Г. Караваевой [15], праздничные мероприятия в честь 300-летия Красноярска были охарактеризованы в научно-популярной книге «Красноярск от прошлого к будущему: очерки истории города», подготовленной коллективом авторов [16. С. 381], торжества в честь 50-летия Новосибирска затрагивались в одной из краеведческих статей журналиста Л.А. Кузьменкиной [1].

В методологическом отношении данная работа опирается на труды, подготовленные в рамках

направления междисциплинарных исследований, известного как «memory studies». В его контексте коллективная и персональная память рассматривается в социальном и культурном аспектах. В частности, изучаются и сопоставляются различные нарративы («схематические шаблоны повествований»), лежащие в основе исторической памяти социальных групп о глобальных и локальных событиях прошлого; способы и формы организации национальной памяти посредством литературы, образования, обычаев, политики; особенности запоминания и забывания обществом значимых событий, в том числе травматических; использование государством и другими политическими субъектами фрагментов исторической памяти для оправдания или осуждения политических действий [17]. Одной из центральных проблем «memory studies» является политика памяти, под которой в самом широком смысле понимаются комплекс средств и сами процессы легитимации тех или иных элементов современного порядка с помощью отсылки к реальным или сконструированным событиям прошлого и их идеологически значимым интерпретациям, которые используют политические субъекты. При этом для исследователя становится актуальной задача критичного и беспристрастного осмысления конструкций и методов политики памяти, тесно связанной с политикой идентичности [18], противостоящая тенденции «служения» историков и других гуманитариев тем или иным историческим нарративам, порожденным политической пропагандой. Дискурсивные проявления коллективной памяти разнообразны. Память запечатлевается, хранится и актуализируется как в культурных практиках, так в устных и письменных нарративах. Именно поэтому изучение политики памяти, как и собственно коллективной памяти, обычно осуществляется в опоре на междисциплинарный подход. Историческое исследование официального праздника, в котором выражается политика памяти и отражаются культурные традиции, не может не учитывать культурологических и политологических контекстов. Неизбежно и обращение к филологическим методам, в частности к нарративному анализу, дающему возможность проследить динамику смыслов политики памяти через широко растиражированные историко-краеведческие и литературно-исторические тексты, дополнявшие и разъяснявшие коммеморативные практики – массовые торжества.

В качестве основных источников данного исследования были использованы неопубликованные делопроизводственные документы, хранящиеся в государственных архивах Томска, Красноярска и Новосибирска (ГАТО, ГАКК, ГАНО). Главным образом эти источники отражают подготовку и проведение юбилейных мероприятий, участие в этом процессе местных органов власти, музейных работников и деятелей культуры. Важным источником данного исследования стали и ежедневные газеты, издававшиеся в Сибири в исследуемый период. Смыслы политики памяти, выражавшиеся в празднованиях юбилеев городов, транслировались местными ежедневными газетами, на страницах которых публиковались как репортажи о подготовке и проведении праздников, так и литера-

турно-исторические, а также историко-краеведческие тексты, тематически связанные с юбилеями. Нами были использованы публикации, приуроченные к юбилеям городов, из изданий «Сибирская жизнь» (Томск), «Красноярский рабочий» (Красноярск) и «Советская Сибирь» (Новосибирск). Значимыми источниками исследования стали и публицистические издания, приуроченные к юбилейным датам в истории Сибири, и отдельные их переиздания [19–23].

Юбилеи сибирских городов имеют предысторию. Еще в дореволюционный период устраивались празднования юбилеев российских столиц. В 1847 г. отмечали 700-летие Москвы, а в 1903 г. – 200-летие Петербурга. Юбилейные торжества, которые проходили по всей стране, подчинялись задачам реализации имперской политики памяти, выражая национальную значимость столиц [24]. Одновременно, после введения городского положения 1870 г. в некоторых старых провинциальных городах России (Рязань, Кострома) также устраивались торжества в честь юбилеев этих городов [15]. В условиях периода либеральных реформ региональные юбилеи стали использоваться местными демократическими силами в качестве информационных поводов для заострения внимания общественности и государства на социально-политических проблемах провинций и окраин. В дни торжеств выдвигались общественно значимые инициативы, направлявшиеся главным образом на народное просвещение, демократизацию судебной и пенитенциарной систем. Смена политического курса после оглушительного теракта 1 марта 1881 г., основной жертвой которого стал император Александр II, лишь усилила эту тенденцию на местах.

Торжествам в честь юбилеев сибирских городов идейно и организационно предшествовало празднование в 1881 г. 300-летия Сибири. Почва для проведения серии мероприятий готовилась постепенно. Уже к 1881 г. стали появляться публикации, претендовавшие на подведение итогов исторического развития Сибири и ее отдельных частей в составе Российского государства. К числу подобных работ относится книга члена Императорского Русского географического общества (ИРГО), выдающегося краеведа, стоявшего у истоков тобольского музея, К.М. Голодников «Тобольская губерния накануне 200-летия завоевания Сибири» [19]. Ее автор описывает покорение Сибирского ханства русскими казаками во главе с Ермаком и отмечает, что сразу, войдя в состав России, Сибирь стала пристанищем тех, кем двигала «любовь к бродяжничеству» и «погоня за наживой», а вскоре – местом ссылки политических преступников, после чего и преступников всех сословий [19. С. 16]. Город Тобольск, где, как можно узнать из этой книги, в 1784 г. праздновалось 200-летие завоевания Сибири, описан К.М. Голодниковым как захолустный в экономическом и культурном отношении, к тому же утративший перспективы развития из-за переноса в Омск военных учреждений и смещения на восток торговых капиталов. Преимущественно мрачно представлены реалии жизни и других городов губернии, особенно оставшихся в стороне от железнодорожных путей. Не делая политизированных выводов, автор издания явно низ-

ко оценивает хозяйственное и культурное состояние губернии. Эти оценки отражают определенную тенденцию. Как будет видно в дальнейшем, юбилейная дата покорения Сибири стала поводом заострить внимание общественности и властей на многочисленных проблемах региона и потребовать преобразований.

В 1881 г. выходцы из Сибири устроили торжества в честь юбилея, имевшие общественный и политический резонанс. Интерес к 300-летию завоевания Сибири русскими казаками изначально возник среди городской интеллигенции. Группа общественных деятелей из числа сибиряков, живших в столицах, избрала для торжеств день взятия Искера – столицы Сибирского ханства – 26 октября. Торжества, устроенные в этот день, прошли в форме праздничных обедов в Санкт-Петербурге и Москве, о чем выходцев из Сибири, «лиц, посвятивших свои труды этому краю» и «лиц, сочувствовавших процветанию этого края», оповещали городские газеты. Организаторы ставили цель собрать и познакомить между собой людей, «связанных Сибирью жизнью и деятельностью и составляющих известную областную группу в среде других, выставляемых русской жизнью» [20. С. 34]. На обед в зале петербургской гостиницы «Демут» собралось более 200 человек: генералы, профессора, врачи, студенты, уроженцы Сибири, учащиеся девицы, курсистки, дамы, члены комитета общества содействия промышленности и торговле. Председательствовал генерал-адъютант Л.П. Сафьяно – бывший председатель Восточносибирского отдела ИРГО. Распорядителями обеда также выступили вице-председатель ИРГО П.П. Семенов и член *Совета Главного управления Восточной Сибири от Министерства финансов, действительный член* Сибирского отдела ИРГО Б.А. Милотин. Они произнесли торжественные речи и зачитали ряд приветственных писем, в том числе от султана Гази-Булата Вали-Хана, а также предоставили слово нескольким ораторам. Юбилейные речи были обращены не столько к прошлому Сибири, сколько к ее насущным проблемам, сформировавшимся исторически. Выступавшими были отмечены героические страницы покорения Сибири русскими, прославлялся сибирский генерал-губернатор М.М. Сперанский, «Божий старец, выходявший вечером в час досуга, не в пышном, а в скромном одеянии на берег реки Ангары и задумчиво обращавший добродушный взор вдаль на запад», правитель, «имя которого и теперь хранится в народной памяти». Лидер сибирского областничества Н.М. Ядринцев, принявший участие в мероприятии, высказал мысль о необходимости написать обобщающую все этапы покорения и освоения историю 300-летней Сибири. К.П. Мейбаум отметил экономические и культурные достижения последних лет царствования Александра II: проведение телеграфа, «предназначенные великого сибирского Александровского железного пути», открытие морского пути через Северный Ледовитый океан и основание Сибирского (томского) университета, о котором говорили почти все собравшиеся. Обращение именно к этим историческим сюжетам ясно обозначало либеральные установки собравшихся, их намерение отстаивать необходимость

социальных преобразований в Сибири и, говоря словами Н.М. Ядринцева, «гражданских реформ, которые призвут сибирское общество к жизни». Оратор Г. Грацианский призвал сибиряков бороться за то, чтобы освободить Сибирь от «хлама прошедшего», «исторических обносков», которыми она «завалена» более, чем другие российские окраины [20. С. 5–15].

Участники мероприятия обсуждали преимущественно социально-политические и культурные проблемы региона: слабое распространение просвещения, несовершенство судебной системы, резкое имущественное расслоение населения, бесправие женщин, отсутствие земских учреждений, недостаток свободы слова, негативное моральное воздействие сибирской каторги на сибиряков. Г. Фойницкий предложил испросить у министра внутренних дел Высочайшее соизволение на учреждение из сведущих людей сибирской комиссии, которой предоставлено было бы право рассмотрения заявлений жителей Сибири и ходатайств перед правительством о нуждах края по вопросам развития путей сообщения, о развитии промышленности, торговли, образования, науки, местной печати и переселенческого движения [Там же. С. 13]. Собравшиеся высказывали надежды на то, что Сибирь станет полноценной частью России как в административном, так в политическом, экономическом и культурном смыслах.

На «задушевном» обеде в Москве, который прошел в русской палате гостиницы «Славянский базар», присутствовало всего около 90 человек, торжество прошло скромнее, чем в Петербурге, однако это было связано с поздним оповещением сибиряков о мероприятии. Подняв первый тост за государя императора, распорядитель обеда Н.М. Чукмалдин – тобольский предприниматель, меценат и публицист, обратился к прошлому Сибири, отметив, что залогом ее нынешнего развития стало отсутствие крепостного права, в значительной степени нивелировавшее влияние каторги и недостатки администрации. Демократичность взглядов собравшихся отразилась также в прославлении «народной самодеятельности» казаков и крестьян-переселенцев, «любивших свободу и приволье». Участники мероприятия поднимали тосты за развитие сибирского университета, печатного слова, скорейшее строительство железной дороги, за сибирских женщин [20. С. 18–23].

На празднование 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России активно отзывалась периодическая печать. Издания «Русские ведомости», «Московский телеграф», «Новое время», «Порядок», «Минута», «Неделя», «Новости» и другие, поддержали идеи организаторов мероприятий. Последняя из указанных газет сообщала о том, что в самой Сибири торжество не устраивалось. В частности, в Томске проведение праздничных мероприятий было запрещено по формальной причине «неопределенности даты присоединения Сибири к Русскому царству». Издание иронизировало: «Судьба к нам еще благосклонна, вырвав из нашей памяти день присоединения страны, которая могла бы для нас служить источником обогащения, но вместо того обращена нами в место российских нечистот» [20. С. 31].

О попытках отпраздновать 300-летие присоединения Сибири к России в Томске свидетельствуют документы, датированные 1882–1883 гг. Действуя в единой логике с организаторами торжеств в российских столицах, гласные томской городской думы пытались использовать юбилей в качестве информационного повода для возбуждения ходатайства перед министром внутренних дел о «введении в Сибири реформ, существующих в Европейской России» [25. Л. 5]. В частности, томичи настаивали на необходимости создания в их городе мировых учреждений [Там же. Л. 2]. Апелляция к юбилейной дате использовалась как обоснование актуальности формирования единого и однородного правового пространства в стране, преодоления Сибирию колониального состояния, которое тормозит экономическое, социально-политическое и культурное развитие региона.

За юбилейными мероприятиями в честь присоединения Сибири к России последовала череда локальных трехсотлетий, внимание к которым было обусловлено продолжавшейся борьбой демократических сил Сибири за «гражданские реформы», ее культурное и социальное развитие. Так, в 1887 г. акцентировалось внимание на 300-летнем юбилее Тобольска. В честь этой памятной даты местная интеллигенция смогла добиться закладки на народные средства здания первого музея, вскоре принятого под покровительство цесаревича Николая Александровича и получившего губернский статус [26. С. 15–17]. В 1891 г. отмечалось трехсотлетие Березова. Внимание снова акцентировалось на проблемах просвещения и социально-политического развития края [21].

В 1904 г. томичи готовились отмечать 300-летие своего города. Социально-политические контексты, разгоравшейся Первой русской революции отразились на характере мероприятий, выражавших очередные требования местных политических сил, настроенных оппозиционно по отношению к царской власти, осуществить ряд демократических преобразований в Сибири. Еще в 1901 г. на приближение памятной даты обратили внимание местные ученые-краеведы – И.Ф. Токмаков и П.М. Головачев, предложившие городской Думе оказать содействие в подготовке и издать обобщающий труд по истории Томска к его юбилею. Выполнить эту задачу не удалось, однако важен сам прецедент попытки собрать материал для юбилейного издания по истории, которое могло бы стать выражением политики памяти местных антиправительственных сил. Помимо сборника документов по истории Томска к его 300-летию в городе планировалось провести ряд значимых мероприятий.

Для подготовки торжеств городской Думой была создана специальная комиссия. Ее председателем стал присяжный поверенный П.В. Вологодский, известный в городе и вошедший в его историю благодаря своей общественно-политической деятельности, в частности, заботой о распространении в Томске начального образования. В качестве членов комиссии документы зафиксировали имена гласных городской Думы П.М. Вяткина и А.Н. Шипицина, а также юриста М.И. Боголепова, М.М. Дмитриева, врача К.М. Гречищева, профессоров И.А. Малиновского (историк

русского права) и М.Н. Соболева (экономист), общественного деятеля, публициста, одного из лидеров движения областников Г.Н. Потанина и С.П. Шевцова, стоявшего у истоков организации эсеров в Западной Сибири [27. Л. 11]. Комиссия привлекала к своей работе и некоторых общественно активных представителей местной интеллигенции – врача И.Е. Овсянкина, педагога и краеведа Г.К. Тюменцева и др. [Там же. Л. 12 об].

Трехсотлетие Томска рассматривалось комиссией, прежде всего, как повод инициировать ряд либеральных преобразований в городе и губернии. Так, планировалось 27 сентября 1904 г. устроить торжественное заседание Думы, на котором будут рассмотрены вопросы об особенных ходатайствах Томского городского общества по случаю исполнившегося 300-летия г. Томска. Комиссия полагала необходимым возбудить следующие ходатайства: о всеобщем и обязательном обучении в г. Томске; о введении скорейшего суда присяжных заседателей в Сибири; о допущении женщин к обучению в Томском университете; о расширении избирательного права для городских управлений в Сибири; об окончательной отмене ссылки в Томске и Томской губернии [27. Л. 17].

В духе революционного времени комиссия уверенно продвигала антиправительственную политику памяти, выражавшуюся в запланированных юбилейных мероприятиях. Сбор исторических артефактов и сведений о Томске преподносился как всенародное дело. Теоретически каждый мог предложить комиссии любые первоисточники. Однако состав упомянутых в протоколах комиссии артефактов, полученных к юбилею от разных дарителей, очевидно тенденциозен. Эта тенденция отражает фиксацию внимания на предметах, интересных с точки зрения истории свободомыслия в России. В частности, один из протоколов заседания комиссии зафиксировал получение от попечителя Сибирского учебного округа П.И. Лаврентьева плана города Томска, некогда начерченного декабристом Г.С. Батеньковым, отбывавшем в Томске ссылку, а также ряд его личных документов из собрания рукописей профессора П.А. Висковатова. Помимо этого, комиссии стали доступны фотоснимки томских домов, где жили Г.С. Батеньков и лидер областничества Н.М. Ядринцев [Там же. Л. 13–13 об].

Опорами конструкции исторического образа Томска, формировавшегося членами комиссии в преддверии юбилея города, стали памятные места. Наряду с Тояновым городком, возведение которого положило, по мнению комиссии, начало истории Томска, и значимым для местной духовной жизни Алексеевским мужским монастырем комиссия выделила в качестве основных памятных мест Томска дома, «где жил известный в последствии эмигрант Бакунин» и где помещалась редакция просветительской «Сибирской газеты», издававшейся усилиями народников и областников. Эти памятные места предполагалось сфотографировать для издания праздничного альбома. В сборник комиссия намеревалась также включить портреты «исторических личностей»: упомянутого декабриста Г.С. Батенькова, исследователя Сибири Н.А. Кострова, писателя-народника, увлекавшегося

либеральными идеями, Н.И. Наумова (умер в 1901 г.), краеведа и библиотекаря, сподвижника сибирских областников Д.Л. Кузнецова, этнографа, известного публициста, также областника С.С. Шашкова.

Комиссия приняла решение максимально широко оповестить о юбилее Томска все городские управления Сибири и Европейской России, а также учебные заведения, музеи, общественные организации, газеты и почетных лиц. Оповещения содержали просьбы переслать депутации к празднику или как-то иначе принять участие в торжествах. Особенное внимание уделялось участию в мероприятиях Томского университета, как авторитетного во многих отношениях учреждения, поддержка которого могла быть полезной в реализации демократических инициатив. Для прибывших депутатий от городов, лиц и учреждений планировалось устроить совместно с университетом торжественное собрание, на котором зачитывать праздничные речи, приветственные адреса и телеграммы [27. Л. 17].

Помимо торжественного заседания городской Думы программа праздничных мероприятий включала в себя народные чтения на нескольких площадках с целью демонстрации «гуманных картин из прошлой жизни Томска и Сибири вообще», а также соответствующий народный спектакль [Там же. Л. 17]. Это обращение к историческим сюжетам было направлено на то, чтобы образно и эмоционально показать истоки проблем, существующих в регионе, который влечит бремя колониального состояния. Однако масштабных мероприятий так и не состоялось. 11 сентября комиссия, готовившая празднование 300-летия Томска, официально объявила о решении отложить торжества ввиду военного времени до более благоприятного момента [28].

Однако юбилейная дата «прозвучала» в периодической печати. 27 сентября 1904 г., в день 300-летия города, в газете «Сибирская жизнь» было опубликовано стихотворение П. Блиновского, посвященное истории и современным проблемам Томска [29]. Автор произведения прославлял память Ермака, «что принес как подарок Сибирь для московского царского трона». В духе областничества Блиновский подчеркнул, что подвиги Ермака состоялись благодаря лихим казакам, имена которых «не доступны остались преданью». Покорив дикие орды Кучума и еще нескольких «князцов», удалые казаки добрались, наконец, и до князя Таяна, стан которого виднелся у «ленты извилистой Томи». Не видя возможности противостоять казацкой силе, Таян пошел «под высокую царскую руку». Ранняя история Томска была описана Блиновским как мужественное противостояние маленького острога набегам «дикарей» и нападениям беглых каторжан («оборванных, злых беглецов, не умевших с тюрьмой примириться»). Однако спустя 300 лет «вырос город над Томью рекой и как сердце могучее бьется», Томск сделался центром просвещения, «тяжелые таежные были» ушли в прошлое, все больше становится в городе света, простора и жизни, настало время вершить великие дела.

Несколько отвлекаясь от основной темы данной статьи, упомянем также 300-летие Дома Романовых, официальные торжества в честь которого прошли по

всей стране, в том числе и в сибирских городах. Следуя сценарному шаблону государственного праздника, жители Томска устроили в честь юбилея ряд стандартных коммеморативных мероприятий: торжественное заседание городской Думы, молебен в честь Романовых, поставили спектакли «Жизнь за Царя», «Козьма Минин» и «Костромские леса», которые прошли на сценах коммерческого и общественного собраний, а также в бесплатной библиотеке [30. Л. 96 об. – 96 а]. В этих коммеморациях не звучало сибирской темы. Однако, выразив верноподданнические чувства к государю и царствующей династии, вознес в честь Романовых «горячие молитвы», гласные Думы решили вернуться к вопросам социального развития Томска, инициировав открытие в городе к памятной дате приюта для 100 детей и преобразование прогимназии в женскую гимназию [30. Л. 147]. Символично, что к юбилею Дома Романовых был создан памятный сувенир – «вечный календарь» – металлическая коробочка с передвижным численником, который распространялся, в частности, среди городской администрации Томска. «Вечность» календаря отражала оптимистичную идею «вечности» царствования Романовых, которые волей судьбы уже через четыре года навсегда потеряли власть [30. Л. 134–136]. Однако стандарты празднований юбилеев, сложившиеся в имперский период, пережили Дом Романовых. Не прекратились и попытки сибиряков артикулировать местные социально-политические проблемы в ходе празднования региональных юбилеев, хотя в 1920–1940-х гг. эти попытки были уже не столь явными.

Очердное 300-летие в Сибири пришлось на 1928 г., когда отмечался юбилей Красноярска. Если юбилейные торжества, готовившиеся в Томске, были инициированы политическими силами, настроенными оппозиционно по отношению к государственной власти, то коммеморативные мероприятия в Красноярске, проводившиеся общественными организациями совместно с местными партийными органами, были логично встроены в систему советских политических праздников – памятных дат, центральное место среди которых занимали Октябрьские торжества. 7 ноября – главный праздник страны, во второй половине 1920-х гг. служил, прежде всего, пропаганде идеи значительных достижений социально-экономического и культурного развития страны за короткий период после Октябрьской революции и Гражданской войны. Постановление Октябрьской комиссии при президиуме ЦИК СССР, принятое в 1927 г. (в год 10-летия Октября), содержало формулировку главной цели торжеств: «Юбилей должен подвести итоги достижениям, чтобы с еще большей уверенностью продолжить дело, начатое в Октябре 1917 г.» [31. Л. 16]. В официальных коммеморациях, связанных с годовщинами Октября, дореволюционное прошлое страны преподносилось преимущественно в мрачных красках, контрастных тем, которые использовались для описания жизни обновленного советского общества. При этом к концу 1920-х гг. прежде значительный интерес коммемораторов к событиям военно-революционной истории на местах был заметно погашен. Однако юбилейные торжества в Красноярске противостояли про-

цессу вытеснения сюжетов местной истории общесоветскими сюжетами из системы официальных праздничных коммемораций. Смысловым ядром праздника было разностороннее и интенсивное развитие этого города, ставшее возможным в результате социалистической революции и героической борьбы местных деятелей подполья с «колчаковщиной». При этом дореволюционное прошлое города не очернялось так, как в дни Октябрьских торжеств. Местная интеллигенция, принимавшая активное участие в мероприятиях, широко растиражировала во многом привлекательные образы «красноярской старины».

В организации праздника были задействованы местное отделение Географического общества и Общество врачей, существовавшее с 1885 г. Безусловно, к участию в торжествах привлекались музейщики и краеведы. Важно учитывать, что в Красноярске, как и в Томске, еще до революции сложились устойчивые краеведческие традиции. В 1889 г. был основан музей Приенисейского края, ставший центром краеведения. К началу 1920-х гг. в его запасниках хранилось 1932 предмета, связанных с историей Красноярска [32. Л. 29 об.]. Существовавший отдел «Старый Красноярск», которым с 1920 г. руководил сын священника, историк, филолог и педагог, окончивший еще до революции Петербургский университет, В.А. Смирнов, продолжал пополняться за счет дарителей, представленных как учреждениями, так и частными лицами. Среди них была и дочь выдающегося русского художника, уроженца Красноярска В.И. Сурикова – О.В. Кончаловская. Отдел был представлен планами города и усадеб разных лет, реконструкциями старинных построек, предметами раритетной мебели, посуды, утвари. В музее хранились коллекции костюмов, среди которых имелись артефакты XVIII в., предметов туалета, музыкальных инструментов и прочих редкостей [33. Л. 11]. Здесь сохранилась коллекция портретов городских голов и чиновников дореформенного суда. Музейщики отмечали «заботливое и внимательное отношение граждан к задачам отдела старого Красноярска» [Там же. Л. 21]. Вообще, в конце 1920-х гг. музейные работники Сибири активно занимались городским краеведением, нацеленным на выяснение специфики и деталей местной истории. Их интересовали своеобразие организации городского пространства, старинная архитектура, местные легенды, мемуары горожан. Не составляли исключения и красноярцы во главе с историком В.А. Смирновым, следовавшие этой общей тенденции. Уже в 1930 г. ценностные установки музейщиков, сложившиеся до революции, будут осуждены Первым Всероссийским музейным съездом как «буржуазные». Однако в год юбилея Красноярска краеведческие изыскания в духе дореволюционных устремлений еще были возможны и востребованы как местными властями, так и жителями города.

Нельзя не обратить внимания на историческую преемственность в подготовке празднований юбилеев Томска и Красноярска. Как и в случае с 300-летием Томска, устроители красноярских торжеств приняли решение сделать празднества всенародными, организовать сбор исторических артефактов (зарисовок ста-

ринных зданий, предметов быта, записей преданий и устных рассказов о прошлой жизни города), привлечь к празднику внимание учащихся, заинтересовать их краеведением. Повторился и дореволюционный опыт подготовки к празднику юбилейных книжных изданий. Так, планировалось составить трехтомник «История Красноярска» и начать выпуск ежемесячного журнала «Приенисейский край: человек и природа» как приложения к газете «Красноярский рабочий». Однако эти проекты не удалось реализовать. Там не менее к юбилейной дате красноярские краеведы во главе с профессором В.П. Косованским опубликовали несколько брошюр, посвященных истории города [22, 23]. В конце ноября 1928 г. краеведческий музей Приенисейского края анонсировал юбилейную выставку. Согласно газетному сообщению она включала два зала, посвященные истории города в XVII–XVIII вв. и «мещанскую комнату» конца XVIII – начала XIX в. Ежедневная газета «Красноярский рабочий» приглашала жителей города посмотреть на редкие экспонаты: полотенце из коллекции М.В. Красноженовой, которому насчитывалось 137 лет, столетний диван и кресло есаула Ф.Ф. Спиридонова, «с которого Суриков рисовал Суворова», любопытный старинный шкаф со слюдяными стеклами. Показательно, что о военно-революционной части экспозиции музейщики ничего не сообщали, сделав акцент на «красноярской старине», которая очевидно репрезентировалась «с любовью», в духе аксиологических установок дореволюционного краеведения [34]. Показательно, что к 300-летию Красноярска музей получил от Главнауки 35 тыс. руб., которые были израсходованы на реконструкцию здания и оформление интерьеров. Очередное сибирское трехсотлетие, как и до революции, помогло красноярской интеллигенции добиться заметных результатов в развитии инфраструктуры местной культурной жизни [35].

Порядок торжественных мероприятий в Красноярске во многом повторял сценарии Октябрьских торжеств, отталкивавшихся, в свою очередь, от дореволюционного опыта. Поэтому праздник выглядел вполне советским. С 30 ноября по 8 декабря в клубах читались лекции по истории города. Акцентировалась тема революционного движения в Красноярске. Аналогично 6 ноября устраивались вечера воспоминаний на предприятиях, в учреждениях и клубах. 1 декабря в 10 часов во всех школах города прошли юбилейные утренники, занятия в этот день отменялись. Как и 7 ноября, на площади Просвещения, которая переименовывалась в «Площадь 300-летия», была устроена демонстрация. В ней приняли участие представители профсоюзов, военные и учащиеся. Демонстранты несли плакаты с изображениями исторических сюжетов, посвященных Красноярску, – туземцев, казаков, людей XVIII в. и декабристов. Показательно, что эти фигуры памяти повторяли коммеморативный образный ряд, использовавшийся и при подготовке юбилейных торжеств в Томске [36. Л. 17]. В 19 часов того же дня состоялось традиционное торжественное заседание горсовета. В его ходе прозвучали доклады о 300-летней истории Красноярска, а также о революционном движении в городе [37. Л. 88]. Слово было

предоставлено историку и краеведу В.А. Смирнову. Заседание завершилось инсценировкой на историческую тему, образно представлявшей основание Красноярска, бунт служилых людей Красноярского острога против воеводы (1698 г.), город 100 лет назад, эпизоды революционной истории. Вечером горожане могли посмотреть народные концерты на улицах, украшенных иллюминацией.

2 декабря в 11 часов состоялось торжественное «прибитие» мемориальных досок в Дубенском переулке (прежде переулок Парижской коммуны), которому вернули историческое название в честь основателя города Андрея Дубенского, и на улице Трехсотлетия Красноярска. В 12 часов открылась выставка по истории города в музее Приенисейского края. Фактически она репрезентировала прошлое города не только до, но и после Октябрьской революции. Раскрывались и сюжеты местной революционной истории. 3 декабря в 19 часов началось праздничное заседание местного отделения Географического общества совместно с другими научными организациями. На мероприятие пришли и многочисленные рабочие [Там же. Л. 88–89]. В очередном докладе В.А. Смирнова угадывались коммеморативные мотивы, знакомые нам по празднованиям предыдущих сибирских трехсотлетий. Так, акцентировался героизм покорителей Сибири, борющихся с минусинскими киргизами, отмечалось, что в первые 200 лет своего существования Красноярск почти не рос, был лишь административным центром, практически не имея промышленного и торгового значения. Из важных событий прошлого выделялись бунт 1698 г. против воевод, строительство железной дороги на территории Красноярья и открытие школ. Другие докладчики раскрывали основные события из истории подпольной борьбы с «колчаковщиной» и имена павших в этой борьбе героев, вспоминали открытие медицинских учреждений в дореволюционном Красноярске усилиями Общества врачей, призывали изучать историю края и заниматься краеведением, объясняя это пользой для развития края, в частности для актуальных задач индустриализации [38].

В 1943 г. отмечалось 50-летие Новосибирска. За два с половиной года войны Новосибирск окреп как промышленный центр. Руководители оборонных предприятий – новая региональная элита, от которой существенно зависели военные успехи страны, – нарабатывали значительный авторитет. Их нахождение на руководящих постах стало более устойчивым, нежели в период Большого террора. Не все предприятия действительно справлялись с грандиозными планами, однако производственные успехи, достигнутые тяжелым неустанным трудом, вызывали гордость у местных руководителей отрасли, которая нашла выражение в официальной праздничной риторике, связанной с локальным юбилеем. Одновременно реалии повседневной жизни рабочих, трудившихся на оборонных предприятиях города, были плачевны. Люди жаловались на недоедание, переутомление и низкие заработки [39. Л. 187]. Стимуляция трудовых подвигов осуществлялась в опоре на строжайшую дисциплину и агрессивную пропаганду. Далеко не все труженики с оптимизмом смотрели в будущее и были

готовы брать на себя обязательства по перевыполнению производственных планов. Поэтому поводом для пропаганды помощи фронту становилось любое сколько-нибудь значимое событие. Так, местные власти обратили внимание на 50-летний юбилей Новосибирска.

Пропаганда военных лет в Сибири была нацелена главным образом на стимуляцию патриотизма и мобилизацию тружеников тыла совершать производственные подвиги в помощь фронту. Этим общим задачам отвечала политика памяти, нашедшая отражение в юбилейных торжествах, посвященных 50-летию города. Праздничные коммеморации репрезентировали Новосибирск в качестве «города, созданного советской властью, как политический и индустриальный центр». При этом упускалось из вида очевидное обстоятельство – то, что оборонные предприятия эвакуировались за Урал вынужденно, и лишь поэтому промышленный рост города превышал планы мирного времени. Не обращалось внимания и на тяжелейшие бытовые условия жизни трудящихся, на их недовольство [40. Л. 6]. Пропаганда прославляла рабочий класс, «кующийся победу» и город Новосибирск как эту самую «кузницу-крепость». 7 ноября секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) М.В. Кулагин, почтил в своей речи, произнесенной на торжественном заседании горкома партии, героев, павших на фронтах Великой Отечественной войны, а после этого воздал хвалу Новосибирску. Он отметил, что за время войны в городе были построены десятки новых заводов, появилась даже электропромышленность, которой никогда не было в Сибири [41]. Приходится признать, что именно в 1943 г. родилась политизированная позитивная оценка роли войны в истории Новосибирска, которая укоренилась в историографии последующих лет и в коллективной памяти новосибирцев. В те годы мысль о войне как о двигателе прогресса должны была воодушевлять истощенное тяжелым трудом население на преодоление сегодняшних тяжелых условий жизни и труда как временных и укреплять веру в Победу.

В свете задач пропаганды военного периода концептуально изменились официальные репрезентации истории сибирских городов. В 1920–1930-х гг. их дореволюционное прошлое изображалось в официальных коммеморациях преимущественно мрачным и бесперспективным. Исключение составляли отдельные музейные репрезентации 1920-х гг., основанные на ценностных установках дореволюционного краеведения, «любовавшегося милой, ускользающей стариной». Публицистика, напротив, обычно акцентировала дореволюционные сюжеты из истории городов Сибири, связанные с каторгой, социально-политическими контрастами и противоречиями, изображала сибирские города как захолустные, неблагоустроенные, культурно отсталые. Так, еще в 1935 г. очерк по истории Новосибирска, приводившийся в справочнике по городу, содержал крайне неприглядный образ дореволюционного Новониколаевска (с 1926 г. Новосибирска) – города-«убожества»: «Город одноэтажных деревянных домиков, случайно разбросанных в мелких, рассчитанных а уездный городок

кварталах, – вот общая картина досоветского Новосибирска» [42. С. 353].

К 50-летию Новосибирска в газете «Советская Сибирь» был опубликован очерк известного журналиста и писателя С.Е. Кожевникова под заголовком «Город на Оби» [43]. О прошлом сибирских городов автор очерка говорил по-новому, с любовью, в героико-патриотическом тоне: «Тюмень, Тобольск, Нарым, Томск – по улицам этих городов мы ходим как по страницам истории, здесь следы наших предков, здесь первая наша слава». Особая, восторженная любовь выражалась к Новосибирску: «Страстно любим мы Новосибирск! Мы восхищаемся в Новосибирске великой творческой силой русского народа». Воздавалась хвала и новосибирцу, Герою Советского Союза А.И. Покрышкину. В начале этого произведения дореволюционная история подчеркнута героизировалась через рассказ о покорителях Сибири. Заметно, что данный сюжет отражает уже сложившуюся коммеморативную тенденцию, связанную с подготовкой к юбилеям сибирских городов. Героические образы казаков появлялись и ранее как в томских, так и в красноярских коммеморациях. Однако если в прежних коммеморативных репрезентациях начало прогрессивного развития региона связывалось преимущественно с Октябрьской революцией, то теперь фиксировалась свежая мысль: «И вот в сонную Сибирь, в таежную глухомань вдруг ворвался гудок», который издавал поезд, ехавший по Транссибирской магистрали. Сава Кожевников использовал прием стилизации текста под эпос, а также былинные образы («Обь-матушка», «город-богатырь», «каменные пояса домов»). В его трактовке Новосибирск еще до революции олицетворял тип нового русского города, «вольный» и «самочинный», его появление якобы открывало новую страницу в истории Сибири: «Отсюда, с каменистых обских берегов пошла Сибирь на просторы новой жизни». Едва ли эта мысль отвечала тем оценкам, которые до революции давали сибиряки маленькому Новониколаевску и перспективам его развития. В 1920-х гг. Новосибирску как столице Сибири уже предписывались особые качества, якобы присущие этому городу изначально: «Новониколаевск символизировал конец былой Сибири примитивного хозяйства, Сибири Московского тракта, гуза, верблюда». В исторической публицистике 1920-х гг. Новониколаевск предстает, прежде всего, как центр коммерции, история которого началась с базара [44. С. 167]. Но С.Е. Кожевников совершенно игнорирует эту мысль. По его словам, Новосибирск советский «взял на свои плечи богатства и дары огромной социалистической Сибири», стал крупным индустриальным и логистическим центром, самым большим, самым величественным городом региона. Автор очерка сформулировал понимание роли Новосибирска в борьбе за победу в Великой Отечественной войне, отвечавшую официальной позиции местных властей: «Здесь в глубине страны, на берегу многоводной Оби создана и работает крепость огромной несокрушимой силы».

Стимуляция патриотизма, особенно актуальная в военных условиях, опиралась также на использование



сюжетов героической борьбы деятелей новониколаевского подполья с режимом А.В. Колчака в период Гражданской войны. Подготовка к юбилею традиционно связывалась с предпраздничной ревизией памятных мест. В их числе были отмечены дом, где в 1908 г. останавливался С.М. Киров, популярный в годы войны не только как отважный революционер, но и как герой индустриализации, обеспечившей рывок индустриальному развитию Ленинграда в годы первых пятилеток. Также отмечались дом героев большевистского подполья периода «колчаковщины» – семьи Шамшиных, как памятного места «борьбы рабочего класса с царизмом»; конспиративная квартира подпольного комитета периода «колчаковщины», где запланировали создать небольшой музей. В системе памятных мест Новосибирска были зафиксированы также памятники вождям: В.И. Ленину, Гражданской войны, а также единственный памятник местному герою дореволюционной истории – И.В. Сталину, С.М. Кирову, братские могилы жертв инженеру-мостостроителю Н.Г. Гарину-Михайловскому, названному одним из основателей Новосибирска. В список памятных мест, которые предполагалось обновить к празднику, вошли и 15 мемориальных досок, связанных с революционной историей. Представленная система памятных мест в основном оформилась еще в 1920-х гг. Новым в списке был лишь Гарин-Михайловский, которого в довоенное время практически не упоминали. Возрождение памяти об этом человеке отвечало контекстам трудовой мобилизации населения, ассоциируясь с логистическим и индустриальным развитием города [40. Л. 6].

Для политики памяти 1930-х гг. было присуще заметное подавление сюжетов локальной революционной истории сюжетами общесоветскими. Памяти местным героям Гражданской войны в Сибири уделялось все меньше внимания, забывались их имена и подвиги. Патриотические контексты пропаганды предвоенного времени заставили местных музейщиков и журналистов начать работу над актуализацией этого сегмента коллективной памяти. Еще перед войной, к 20-летию «освобождения» Сибири от «колчаковщины» реставрировался главный военно-революционный мемориал города на братской могиле жертв колчаковской расправы и планировалось установить памятник на могиле расстрелянных жертв первого совдепа, находившейся на Новом городском кладбище [45. С. 459]. В 1943 г. продолжилась линия увековечивания в «твердых формах» памяти местных героев военно-революционных лет. В частности, запланировали установить памятник председателю первого в городе совдепа – В.Р. Романову, расстреленному колчаковцами. В связи с этими планами новосибирский горком КПСС обратился к сыну погибшего героя, который написал об отце воспоминания и передал представителям горкома документы отца [40. Л. 35–41]. В этих мемуарах вновь актуализировалась тема «колчаковских зверств», говорилось о судьбах членов семьи Романова, в частности о гибели на фронте в 1941 г. его сына Ростислава, чекиста.

Сохранился и план выставки по истории города, которая готовилась к юбилею. Краеведческий музей в

военный период законсервировали, поэтому местом его размещения был выбран еще не открытый официально театр оперы и балета. План включал разделы, посвященные истории возникновения и развития Новосибирска. Предполагалось продемонстрировать экспонаты, раскрывающие процесс превращения поселка мостостроителей при реке Обь сначала в уездный город, потом в губернский, краевой, областной центр, город республиканского подчинения. Выставка включала интересные факты о переименовании города, о его юном возрасте в сравнении с другими городами, о его посещениях членами правительства. Демонстрировалось прежнее значение города как крупного торгового центра и его развитие в крупный промышленный и культурный центр в советское время. Выставка включала сюжеты о формах управления и самоуправления, о выборах в советы, раскрывала историю революционного движения в городе, темы Октября и Гражданской войны, историю комсомола и профсоюзов. В завершение был показан план развития города 1941 г., который, очевидно, скорректировала война [40. Л. 14]. Выставка демонстрировала динамичный рост Новосибирска, который, вопреки войнам первой половины XX столетия, продолжает интенсивно развиваться, говоря словами Савы Кожевникова, «50-й юбилей свой встречает в строю как боец, сосредоточенный и подтянутый» [41].

В связи с 50-летием Новосибирска не планировалось пышных торжеств, которые считались непозволительными в условиях военного времени. Юбилейные мероприятия особенно не акцентировались и в периодической печати. Однако известно, что 13 декабря, в канун памятной даты освобождения Новониколаевска и Сибири от «колчаковщины» в недостроенном здании театра оперы и балета прошло традиционное торжественное заседание местной партийной и советской элиты, получившей возможность ознакомиться с описанной выставкой, также традиционной по форме [1].

Итак, у современной российской коммеморативной практики отмечать дни города существует предыстория, насчитывающая более чем полтора столетия. В частности, она восходит к празднованиям юбилеев основания городов, сначала столичных, а потом и провинциальных. Идеино близкими юбилеям городов являлись и торжества в честь юбилеев присоединения к России отдельных территорий, в частности Сибири. Все эти юбилеи отличались политизацией. При этом использовать памятную дату как информационный повод для продвижения своих инициатив старались разные политические силы. В дореволюционный период отмечались юбилеи Москвы и Петербурга, которые, как и 300-летие Дома Романовых, выражали государственную политику памяти, нацеленную на укрепление национальной идентичности в имперском смысловом ключе. Сибирские же юбилеи устраивались оппозиционно настроенными по отношению к царской власти политическими силами, добивавшимися демократических реформ в регионе и его социального развития. Формально и официально их организаторы демонстрировали лояльность, даже верноподданническую преданность царскому режиму,

прославляя память русских царей: Ивана Грозного, в годы правления которого началось присоединение Сибири к России, Бориса Годунова, при котором был основан Томск, Александра II, чье правление дало положительные импульсы социально-экономическому и культурному развитию Сибири. Однако параллельно увековечивалась память о лицах, связанных с Сибирью, чья деятельность имела явную антиправительственную направленность. А фактические политические требования коммемораторов, звучавшие в юбилейные дни, окончательно раскрывали их оппозиционную настроенность по отношению к царской власти, не случайно запрещавшей массовые празднования региональных юбилеев. Консервативный противовес сибирским юбилеям составляли торжества в честь 300-летия правления Романовых, однако и этот праздник городская Дума Томска использовала для дальнейшего продвижения идей развития женского образования и общественного презрения в их городе.

300-летие Красноярска прошло в советских условиях, диктовавших строго определенные коммеморативные стандарты и акценты. Однако на этой памятной дате акцентировала внимание, прежде всего, местная интеллигенция, создавшая основные коммеморации, которые во многом воспроизводили отношение к прошлому Сибири, уже выражавшееся организаторами торжеств, в честь дореволюционных сибирских трехсотлетий. Но красноярские коммемораторы не демонстрировали антиправительственных настроений, критикуя лишь позицию уже свергнутой царской власти в отношении Сибири. В ходе торжеств красноярцы использовали те же образы и приемы актуализации коллективной памяти, что и их предшественники – томичи, занимавшиеся мемориализацией декабристов, народников и областников, которые уже были узнаваемы сибиряками. К этому списку добавились красноярские герои революции и большевистского подполья времен «колчаковщины». Претензии красноярских коммемораторов к царизму адресовались прошлому, и звучали они из «благополучного» настоящего, в котором, как вещала пропаганда, проблемы отсталых окраин страны эффективно решаются. Юбилейные торжества уже не выражали смыслов политического протеста. В итоге, прославляя революцию и советскую власть, якобы эффективно справляющуюся с трехсотлетними проблемами Сибири, местные музейщики и краеведы смогли добиться от центральных властей получения средств на реконструкцию музея и издание исторической литературы. Эти возможности создавали для краеведов иллюзию благоприятной перспективы взаимодействия с советской властью, которая не отвергает их коммемораций. Местные советские и партийные структуры, участвовавшие в организации юбилейных мероприятий, также получили от 300-летия города свою пользу. Праздник акцентировал внимание на давних проблемах Красноярска, которые репрезентировались преимущественно как уже изжитые и, соответственно, легитимировал власть местных большевиков, прошедших героический путь в борьбе за политические и социально-экономические интересы населения При-

нисейского края, а также за культурное строительство. Стоит подчеркнуть, что этот юбилей отражал специфику исторического момента – кануна «Великого перелома», когда еще не начался агрессивный натиск на старые традиции краеведения и музейного дела, идейно связанного с дореволюционными исканиями сибирской интеллигенцией исторических особенностей локуса для их использования в ходе реализации задач партикуляции пространства страны. В 1928 г. в Красноярске еще публично выступали краеведы старой закалки, многие из которых подверглись физическому истреблению в годы сталинского террора, когда происходило резкое сокращение официальных репрезентаций местной истории в публичном пространстве.

Заострение внимания на 50-летии Новосибирска было обусловлено не только необходимостью стимулировать в условиях войны патриотизм и производственные подвиги тружеников тыла, но также ростом самосознания местной элиты – «крепких хозяйственников», «кузнецов победы». После долгих лет практического игнорирования местной истории в официальных публичных репрезентациях пропаганда вновь эффективно использовала знакомые старшим поколениям сибиряков образы регионального прошлого – «таежной глухомани», лихих казаков-покорителей Сибири, С.М. Кирова – героя Первой русской революции в Сибири и сталинской индустриализации, а также местных героев Гражданской войны, для формирования образа города – великого труженика, по-своему доблестно сражающегося за Победу. Подчеркивалась важнейшая роль этого города в решении общенациональных задач, что символически поднимало статус Новосибирска. При этом из коммемораций исчезли образы «милой старины», вольнодумцев и борцов с империей (метрополией), что отвечало общесоветским задачам максимальной национальной консолидации в условиях войны. Применялся и старый прием противопоставления мрачному прошлому Сибири ее настоящего, но не просто благополучного, а героического. Соответственно, и достижения современности изображались в 1943 г. иначе, чем в год 300-летия Красноярска. Образ особенной, мощной Сибири выстраивался на основе индустриальных мотивов, которые появились в описаниях еще дореволюционного этапа сибирской истории. Из небытия возник образ инженера Гарина-Михайловского, а вместе с ним актуализировался образ паровоза – олицетворение прогресса. Образ Новосибирска – промышленного гиганта, города трудовой славы, дающего мощные импульсы прогрессивного развития всей Сибири, отчасти вынужденно порожденный пропагандой военных лет, проявил очевидную жизнеспособность. Он был востребован местной производственной элитой, которая фактически срасталась с элитой управленческой и решала за счет сформированной в годы войны героической концепции памяти о труде в тылу задачи самолегитимации. В 1943 г. новосибирским коммемораторам удалось грамотно отсортировать «правильные» фигуры памяти – хорошо узнаваемые, позитивно окрашенные, связанные с идеями героизма, патриотизма и верности правящему режиму. При этом прежде всего героизировалась не советская власть, а

трудоу народ, рабочие, «кующие Победу», усилиями которых Новосибирск уверенно преодолел состояние уездного городка в сибирской глухомани. Из новосибирских юбилейных коммемораций удивительным образом практически исчезла фигура Сталина – главного символа советской власти. В то же время коммеморации справлялись с задачами консолидации местного сообщества вокруг идеи народного трудового подвига. Образ индустриального Новосибирска вполне мог бы удовлетворить томичей начала XX в., мечтав-

ших о прогрессивном развитии их губернии, перенесись они в будущее. Этот образ удобен и современным властям, прежде всего местным. В коммеморативных репрезентациях, воспроизводящихся по сей день, сибирский город Новосибирск имеет в масштабах страны собственное, особое историческое лицо и важную историческую роль, которая в целом не противоречит общенациональным задачам и отвечает давним мечтам сибиряков о преодолении их регионом состояния отсталой провинции.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Кузьменкина Л.А. Когда в Новосибирске впервые отпраздновали день города? // Библиотека сибирского краеведения. URL: <http://bsk.nios.ru/content/kogda-v-novosibirske-vpervye-otprazdnovali-den-goroda> (дата обращения: 01.05.2018).
2. Малинова О.Ю. Консерваторы и «инфраструктура» коллективной памяти: проблемы репертуара политически пригодного прошлого // Тетради по консерватизму: альманах. 2014. № 3. С. 140–156.
3. Бутакова Н.В. Общественный быт горожан Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 27 с.
4. Гончаров Ю.М. Городские праздники в Западной Сибири в середине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. № 4. С. 9–15.
5. Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX в.: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995. 157 с.
6. Паршукова Н.П. Литературные праздники в Барнауле в конце XIX – начале XX в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 2. С. 477–480.
7. Шилин С.А. Общественные праздники в Барнауле (конец XIX – начало XX в.). Барнаул, 2008. 54 с.
8. Аксенов В.С. Организация массовых праздников трудящихся (1918–1920) : пособие по курсу «История массовых праздников». Л., 1974. 76 с.
9. Генкин Д.М. Массовые праздники. М., 1975. 140 с.
10. Ширяева П.Г. Из истории становления революционных пролетарских традиций // Советская этнография. 1970. № 3. С. 38–48.
11. Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, мифы (1917–1927). Казань, 2005. 400 с.
12. Щербинин А.И. Тоталитарная индоктринация: у истоков системы. Политические праздники и игры // Полис. 1998. № 5. С. 79–96.
13. Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. 440 с.
14. Petrone K. Life Has Become More Joyous. Comrade : Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, 2000. 266 p.
15. Караваева А.Г. «Год свободы» или как город Томск свои юбилеи отмечал // TV-2: официальный сайт телекомпании. URL: <http://tv2.today/TV2Old/God-svobody-ili-kak-gorod-tomsk-svoi-yubilei-otmechal> (дата обращения: 01.05.2018).
16. Красноярск от прошлого к будущему: очерки истории города / ред. Г.Ф. Быконя, В.В. Куимов, П.И. Пимашков, В.И. Федорова. Красноярск, 2013. 640 с.
17. Roediger H.L., Wertsch J.V. Creating a new discipline of memory studies // Memory studies. 2008. Vol. 1 (1). P. 9–22.
18. Radstone S. Memory studies: For and against // Memory studies. 2008. Vol. 1 (1). P. 31–38.
19. Голодников К.М. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири. Тобольск, 1881. 192 с.
20. 300-летие Сибири. Празднование в Петербурге и Москве дня 26 октября 1581 г. СПб., 1882. 43 с.
21. Путинцев М.П. К празднованию 300-летия города Березова. Тобольск, 1891. 24 с.
22. Триста лет города Красноярска, 1628–1928 гг. Красноярск, 1928. 48 с.
23. Очерки по истории Красноярского края / В.А. Смирнов; предисл. В.В. Чагина. Красноярск, 1996. 129 с.
24. Мельникова Е. День города: Изобретение традиции и праздник локальной солидарности // Эксперт online. URL: <http://expert.ru/northwest/2013/21/otkuda-est-poshlo/> (дата обращения: 01.05.2018).
25. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Д-233. Оп. 2. Д. 344.
26. Исламова Д. Государственное краеведение и музейное дело в Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2011. 25 с.
27. ГАТО. Ф. Д-233. Оп. 2. Д. 2667.
28. Хроника жизни Томска // Путь томича. URL: <http://tomich.tomintech.ru/hronika/58/> (дата обращения: 01.05.2018).
29. Блиновский П. 300-летие г. Томска (1604–1904 гг.) // Сибирская жизнь. 1904. 27 сент.
30. ГАТО. Ф. Д-233. Оп. 2. Д. 778.
31. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 70. Оп. 1. Д. 60.
32. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. Р-795. Оп. 1. Д. 1.
33. ГАКК. Ф. Р-795. Оп. 1. Д. 18 а.
34. Музей к трехсотлетию // Красноярский рабочий. 1928. 20 нояб.
35. 35 тысяч на достройку музея // Красноярский рабочий. 1928. 18 нояб.
36. ГАКК. Ф. Р-795. Оп. 1. Д. 40.
37. ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 541.
38. Триста лет Красноярска // Красноярский рабочий. 1928. 5 дек.
39. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1206.
40. ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1388.
41. Торжественное заседание в театре имени Пушкина // Советская Сибирь. 1943. 7 нояб.
42. Новосибирск: справочник по городу и району / отв. ред. А. Львов. Новосибирск, 1935. 491 с.
43. Кожевников С. Город на Оби // Советская Сибирь. 1943. 3 нояб.
44. Болдырев В. Столица Сибирского края // Сибирские огни. 1926. № 5–6. С. 167–176.
45. Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск, 2015. 572 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 октября 2018 г.

## The Memory of Regional Differences: Anniversaries of Siberian Cities (1904–43)

*Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2019, 443, 119–131

DOI: 10.17223/15617793/443/16

**Yekaterina I. Krasnilnikova**, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State Agrarian University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: katrina97@yandex.ru

**Keywords:** jubilee celebration; commemoration; political celebration; Siberia.

The aim of this article is to trace the dynamics of the commemorative component of the jubilee celebrations that took place in Siberian cities during the first half of the 20th century. The author compares jubilee events in honor of the 300th anniversary of Tomsk (1904), the 300th anniversary of Krasnoyarsk (1928) and the 50th anniversary of Novosibirsk (1943). Unpublished documents kept in the archives of Siberian cities, daily newspapers printed in Tomsk, Krasnoyarsk and Novosibirsk and journalistic works were used as sources for the research. In the article, the meanings of the policy of memory reflected in the celebrations are clarified; socio-political and cultural contexts that affected the nature of celebrations in different years are established; features of historical continuity in the organization of festive events are identified. The modern practice of celebrating City Days has a long history. At the beginning of the twentieth century, there were three-hundredth anniversary celebrations in several Siberian towns, including Tomsk. Festive events were prepared by political forces oppositional to the tsarist authorities. They used the memorable date as an informational occasion to accentuate the problems of Siberia and to achieve democratic reforms in Tomsk. But due to obstacles on the part of the state, the holiday in honor of the 300th anniversary of Tomsk never took place. The 300th anniversary of Krasnoyarsk was celebrated in 1928 when the system of Soviet commemorations was already established. The holiday took a subordinate position in relation to the anniversary of the October Revolution. The anniversary was organized by local party bodies that involved museum workers and historians in the celebrations; the latter in many ways reproduced the ideas of pre-revolutionary organizers of the Siberian jubilees. But in 1928 the commemorators did not express anti-government sentiments. They criticized only the position of the already overthrown imperial authority in relation to Siberia. Glorifying the revolution and Soviet power, extolling its success in solving the three-hundred-year-old problems of Siberia, local museum workers and local historians obtained finances from the central authorities for the reconstruction of the museum and the publication of historical literature. Also, the holiday contributed to the legitimization of the power of local Bolsheviks, who had heroically struggled for the political and socio-economic interests of the population of the Prienskiy Krai and achieved good results. The focus on the 50th anniversary of Novosibirsk was due to the need to stimulate patriotism and industrial feats of workers stationed at the rear of the Russian forces during the war. Celebrations also reflected the growing self-awareness of the local production elite that was actually merging with the management elite. In 1943 the image of the city of Novosibirsk was formed: a great worker valiantly fighting for Victory, struggling at the front of the defense industry. The anniversary symbolically raised the status of Novosibirsk and its administration that achieved great production successes in extreme conditions. Novosibirsk was credited with the historical role of a locomotive that dragged the whole of Siberia along the path of progressive development. This image remains relevant.

## REFERENCES

1. Kuz'menkina, L.A. (n.d.) *Kogda v Novosibirskye vperve otprazdnovali den' goroda?* [When was the first City Day celebrated in Novosibirsk?]. [Online] Available from: <http://bsk.nios.ru/content/kogda-v-novosibirskye-vperve-otprazdnovali-den-goroda>. (Accessed: 01.05.2018).
2. Malinova, O.Yu. (2014) *Konservatory i "infrastruktura" kollektivnoy pamyati: problemy repertuara politicheski prigodnogo proshlogo* [Conservatives and the "infrastructure" of collective memory: problems of the repertoire of the politically operable past]. *Tetrad' po konservatizmu: al'manakh*. 3. pp. 140–156.
3. Butakova, N.V. (2005) *Obshchestvennyy byt gorozhan Tomskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Public life of citizens of Tomsk Province in the second half of the nineteenth – early twentieth centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Barnaul.
4. Goncharov, Yu.M. (2004) *Gorodskie prazdniki v Zapadnoy Sibiri v seredine XIX – nachale XX v.* [City holidays in Western Siberia in the middle of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*. 4. pp. 9–15.
5. Kupriyanov, A.I. (1995) *Russkiy gorod v pervoy polovine XIX v.: obshchestvennyy byt i kul'tura gorozhan Zapadnoy Sibiri* [A Russian city in the first half of the nineteenth century: the social life and culture of the citizens of Western Siberia]. Moscow: AIRO-XX.
6. Parshukova, N.P. (2003) *Literaturnye prazdniki v Barnaule v kontse XIX – nachale XX v.* [Literary festivals in Barnaul in the late nineteenth – early twentieth centuries]. In: Goncharov, Yu.M. & Skubnevskiy, V.A. (eds) *Istoricheskiy opyt khozyaystvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoy Sibiri* [Historical experience of economic and cultural development of Western Siberia]. Book 2. Barnaul: Altai State University, Kn. 2. pp. 477–480.
7. Shilin, S.A. (2008) *Obshchestvennye prazdniki v Barnaule (konets XIX – nachalo XX v.)* [Public holidays in Barnaul (the end of the nineteenth – the beginning of the twentieth centuries)]. Barnaul: Altai State University.
8. Aksenov, B.C. (1974) *Organizatsiya massovykh prazdnikov trudyashchikhsya (1918–1920): posobie po kursu "Istoriya massovykh prazdnikov"* [The organization of mass holidays of workers (1918–1920): a guide for the course "A History of Mass Holidays"]. Leningrad: LGIK.
9. Genkin, D.M. (1975) *Massovye prazdniki* [Mass holidays]. Moscow: Prosveshchenie.
10. Shiryayeva, P.G. (1970) *Iz istorii stanovleniya revolyutsionnykh proletarskikh traditsiy* [From the history of the formation of the revolutionary proletarian traditions]. *Sovetskaya etnografiya*. 3. pp. 38–48.
11. Malysheva, S.Yu. (2005) *Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provintsii: prostranstvo, simvol, mify (1917–1927)* [Soviet festive culture in the province: space, symbols, myths (1917–1927)]. Kazan: Ruten.
12. Shcherbinin, A.I. (1998) *Totalitarnaya indoktrinatsiya: u istokov sistemy. Politicheskie prazdniki i igry* [Totalitarian indoctrination: at the origin of the system. Political holidays and games]. *Polis*. 5. pp. 79–96.
13. Rolf, M. (2009) *Sovetskie massovye prazdniki* [Soviet mass holidays]. Translated from German by V.T. Altukhov. Moscow: ROSSPE.
14. Petrone, K. (2000) *Life Has Become More Joyous. Comrade: Celebrations in the Time of Stalin*. Bloomington: Indiana University Press.
15. Karavaeva, A.G. (2014) *"God svobody" ili kak gorod Tomsk svoi yubilee otmechal* ["The Year of Freedom" or, How Tomsk celebrated its anniversary]. [Online] Available from: <http://tv2.today/TV2Old/God-svobody-ili-kak-gorod-tomsk-svoi-yubilee-otmechal>. (Accessed: 01.05.2018).
16. Kuimov, V.V. et al. (eds) (2013) *Krasnoyarsk ot proshlogo k budushchemu: ocherki istorii goroda* [Krasnoyarsk from past to future: essays on the history of the city]. Krasnoyarsk: RASTR.
17. Roediger, H.L. & Wertsch, J.V. (2008) *Creating a new discipline of memory studies. Memory studies*. 1 (1). pp. 9–22.
18. Radstone, S. (2008) *Memory studies: For and against. Memory studies*. 1 (1). pp. 31–38.
19. Golodnikov, K.M. (1881) *Tobol'skaya guberniya nakanune 300-letney godovshchiny zavoevaniya Sibiri* [Tobolsk Province on the eve of the 300th anniversary of the conquest of Siberia]. Tobolsk: tipografiya Tobol'skogo gubernskogo pravleniya.
20. Anon. (1882) *300-letie Sibiri. Prazdnovanie v Peterburge i Moskve dnya 26 oktyabrya 1581 g.* [300th anniversary of Siberia. Celebration in St. Petersburg and Moscow on October 26, 1581]. St. Petersburg: Tip. Fund Eleonskogo i K°.

21. Putintsev, M.P. (1891) *K prazdnovaniyu 300-letiya goroda Berezova* [To the celebration of the 300th anniversary of Berezov]. Tobolsk: tipografiya Tobol'skogo gubernskogo pravleniya.
22. Fefelova, A.K. (1928) *Trista let goroda Krasnoyarska, 1628–1928 gg.* [Three hundred years of Krasnoyarsk, 1628–1928]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy Gorsoviet.
23. Smirnov, V.A. (1996) *Ocherki po istorii Krasnoyarskogo kraya* [Essays on the history of Krasnoyarsk Krai]. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo.
24. Mel'nikova, E. (2013) Den' goroda: Izobretenie traditsii i prazdnik lokal'noy solidarnosti [The City Day: The invention of tradition and the celebration of local solidarity]. *Ekspert online*. [Online] Available from: <http://expert.ru/northwest/2013/21/otkuda-est-poshlo/>. (Accessed: 01.05.2018).
25. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund D-233. List 2. File 344. (In Russian).
26. Islamova, D. (2011) *Gosudarstvennoe kraevedenie i muzeynoe delo v Tobol'skoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [State local history and museum affairs in Tobolsk Province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Chelyabinsk.
27. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund D-233. List 2. File 2667. (In Russian).
28. Put' tomicha. (n.d.) *Khronika zhizni Tomska* [Chronicle of the life of Tomsk]. [Online] Available from: <http://tomich.tomintech.ru/hronika/58/>. (Accessed: 01.05.2018).
29. Blinovskiy, P. (1904) 300-letie g. Tomska (1604–1904 gg.) [The 300th anniversary of Tomsk (1604–1904)]. *Sibirskaya zhizn'*. 27 September.
30. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund D-233. List 2. File 778. (In Russian).
31. Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 70. List 1. File 60. (In Russian).
32. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-795. List 1. File 1. (In Russian).
33. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-795. List 1. File 18 a. (In Russian).
34. Krasnoyarskiy rabochiy. (1928) Muzey k trekhsotletiyu [Museum by the 300th anniversary]. *Krasnoyarskiy rabochiy*. 20 November.
35. Krasnoyarskiy rabochiy. (1928) 35 tysyach na dostroyku muzeya [35 thousand for the completion of the museum construction]. *Krasnoyarskiy rabochiy*. 18 November.
36. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-795. List 1. File 40. (In Russian).
37. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). F.P-10. List 1. File 541. (In Russian).
38. Krasnoyarskiy rabochiy. (1928) Trista let Krasnoyarska [Three hundred years of Krasnoyarsk]. *Krasnoyarskiy rabochiy*. 5 December.
39. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-22. List 3. File 1206. (In Russian).
40. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-22. List 3. File 1388. (In Russian).
41. Sovetskaya Sibir'. (1943) Torzhestvennoe zasedanie v teatre imeni Pushkina [A ceremonial meeting in the Pushkin Theater]. *Sovetskaya Sibir'*. 7 November.
42. L'vov, A. (ed.) (1935) *Novosibirsk: spravochnik po gorodu i rayonu* [Novosibirsk: a guide to the city and region]. Novosibirsk: Izd-vo "Sovet. Sibir'".
43. Kozhevnikov, S. (1943) Gorod na Obi [A city on the Ob]. *Sovetskaya Sibir'*. 3 November.
44. Boldyrev, V. (1926) Stolitsa Sibirskogo kraya [The capital of the Siberian Krai]. *Sibirskie ogni*. 5–6. pp. 167–176.
45. Krasil'nikova, E.I. (2015) *Pomnit' nel'zya zabyt'? Pamyatnye mesta i kommemorativnye praktiki v gorodakh Zapadnoy Sibiri (konets 1919 – seredina 1941 g.)* [Remember or forget? Memorable places and commemorative practices in the cities of Western Siberia (late 1919 – mid-1941)]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.

Received: 24 October 2018